

всего 47% опрошенных, 26% не знают, защищены они или нет от этого зла, и 27% подростков не считают себя защищенными, следовательно, существует группа старшеклассников, которые не защищены от алкоголизма и наркомании или уже испытывают на себе их пагубное воздействие.

Таким образом, результаты исследования показали, что подростки недостаточно осведомлены о той опасности, которая может им угрожать за стенами школы, в компаниях и в кругу друзей. Тем более что мероприятий, направленных на просвещение и пропаганду здорового образа жизни, проводится недостаточно, а в тех, что проводятся, подростки не участвуют (в нашем случае 83%). Выбор и круг этих мероприятий определяются не теми, кто в них предположительно должен участвовать, для кого они организуются, а самими организаторами. А ведь эффективные меры – это мероприятия, направленные на изменение общественного мнения.

Безусловно, этот формализм в воспитательной работе школы не остается незамеченным подростками и порождает стремление ребят к неформальному общению. Назидания и нравовучения родителей, а порой и элементарная некомпетентность учителей все более отдаляют их от воспитуемых, уводят последних на улицу – туда, где нет «нельзя», «вредно» и «плохо», где можно себя проявить, реализовать свою самостоятельность. Необходимо создание комплексных социальных программ, которые объединили бы общие неформальные усилия воспитателей детских дошкольных учреждений, педагогов школы, средства массовой информации и родителей на создание стойкой мотивации детей, подростков, юношества к здоровьесберегающим установкам, направленным на здоровый образ жизни.

УДК 316.454.54

ЭВОЛЮЦИЯ ДРУЖБЫ КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

М. А. Шедловская

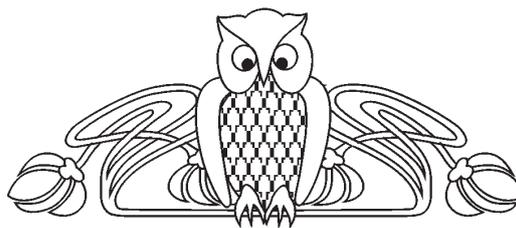
Саратовский государственный университет
E-mail: shedlovskaya.margo@yandex.ru

В статье анализируется процесс эволюции социальных представлений о дружбе, процесс ее трансформации из ритуально-побратимства, через рыцарскую, гуманистическую дружбу в романтическую, сподвижническое товарищество и, наконец, в современный институт межличностных отношений. Уточняются объективные и субъективные факторы этой эволюции – постепенное усиление социальной дифференциации, увеличение роли добровольности и индивидуальной избирательности, усиление роли эмпатии и эмоциональности, относительной неформальности, неопределенности социальной ответственности при снижении жесткости социального контроля.

© Шедловская М. А., 2014

Примечания

- 1 См.: Здравоохранение в России. Российский статистический сборник. М., 2014. С. 141–142.
- 2 См.: Российский статистический ежегодник. М., 2014. С. 279–280, 287–288.
- 3 См.: TransMONEE 2010 DATABASE. UNICEF Innocenti Research Centre. URL: www.unicef-irc.org (дата обращения: 17.04.2014).
- 4 См.: Кислицына О. А. Современные подростки – поколение, которое потеряла Россия? // Здоровье и социально-демографические процессы в России : сб. ст. / под ред. А. Ю. Шевякова. М., 2010. С. 148–160.
- 5 См.: Смирнова Н. П. Охрана репродуктивного здоровья – путь улучшения демографической ситуации // Демографическое развитие : проблемы и перспективы : материалы обл. науч.-практ. конф. (Саратов, 22 декабря 2006 г.). Саратов, 2007. С. 37.
- 6 Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Л., 1992. С. 180.
- 7 См.: Шклярчук В. Я. Самосохранительное поведение как фактор преодоления депопуляции населения России. Саратов, 2009. С. 20.
- 8 См.: Колеченков Н. В., Сологуб Л. Г. Что происходит в демографическом развитии России? // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 3. С. 202.
- 9 См.: Кон И. С. Психология ранней юности : книга для учителя. М., 1989. С. 243–244.
- 10 Обухова Л. Ф. Возрастная психология : учебник для вузов. М., 2007. С. 319.
- 11 Исследование «Мониторинг досуговых предпочтений молодежи» проведено в 2013 г. на базе ЦРСИ СГУ. Объем выборочной совокупности составил 305 человек. Были опрошены учащиеся 5–11 классов лицей гуманитарных наук и школ № 3, 34, 40 г. Саратова.
- 12 См.: Нургалиев Р. Свыше 80 процентов российских подростков пьют алкогольные напитки // Рос. газ. 2010. 6 окт.

Ключевые слова: дружба как социальный институт, ритуализованная, рыцарская, гуманистическая, романтическая дружба, товарищество, неформальный социальный институт.

Evolution of Friendship as a Social Phenomenon: Sociological Discourse

M. A. Schedlowski

The article analyzes the evolution of social representations of friendship, the process of transformation of the ritual of fraternity

through the chivalrous, romantic humanist friendship, partnership *spodvizhnicheskoe* and finally in the modern institution of interpersonal relations. Clarifies the objective and subjective factors of this evolution – a gradual strengthening of social differentiation, increasing the role of the voluntary and individual selectivity, strengthening the role of empathy and emotion, the relative informality, uncertainty, social responsibility, with softening of social control.

Key words: friendship as a social institution, ritualized, courtly, humanistic, romantic friendship, administration, informal social institution.

Социальная история дружбы – история не только чувств, но и социального института дружбы, и того языка, «дискурса», которым она описывается. В разные периоды истории понятие «дружба» наполняется разным содержанием. В древнейших обществах, где личные отношения еще не отделены от общественных, дружба выступает прежде всего как социальный институт, где права и обязанности друзей строго регламентированы. Особое значение имела мужская воинская дружба. Лучше всего это видно на примере Древней Греции, которая издавна считается царством дружбы, а имена Кастора и Полидевка, Ореста и Пилада, Ахилла и Патрокла стали нарицательными¹.

Однако античный канон дружбы исторически развивался. Первоначально греческое слово «филия» (дружба) было синонимом кровного родства. Затем дружба превращается в самостоятельный институт, который ставится выше всех прочих общественных отношений. Изначальной формой дружбы было побратимство, которое можно интерпретировать как ритуализованные личные отношения между индивидами, независимо от их кровнородственной или территориально-общинной принадлежности². Эти отношения существовали у многих народов, часто совпадали с обрядом инициации, хотя способы заключения дружбы, и ее конкретные социальные функции, и ее символизация были весьма многообразны³. Такая дружба, предусматривающая прежде всего взаимную помощь, особенно материальную, считалась священной и принципиально нерасторжимой.

Эту форму дружбы, по мнению Ш. Эйзенштадта, отличали четыре признака: во-первых, партикуляристские: взаимные обязательства их участников всегда подразумевают конкретного другого (в отличие от торговых отношений, регулируемых общими правилами), что сближает ритуализованные личные отношения с родством; во-вторых, личные: в отличие от кровного родства или «заданной» принадлежности к возрастной группе, побратимство связывает людей личными, индивидуальными узами; в-третьих, добровольные: создаются путем свободного индивидуального соглашения, что также отличает их от родственных отношений; в-четвертых, полностью институциональные: права и обязанности друзей по отношению друг к другу и к общине жестко

фиксированы и охраняются традицией. И это решительно отличает их от современной дружбы⁴.

С точки зрения привычного противопоставления деловых, «инструментальных» отношений («службы») и эмоционально-личностной близости («дружбы») древняя ритуализованная дружба внутренне противоречива, поскольку личное начало и добровольность сочетаются в ней с жесткой регламентацией поведения⁵. Таким образом, ритуализованная дружба – особого рода механизм социальной интеграции, разрядки внутригрупповой и межгрупповой напряженности, способ перехода от кровнородственных к индивидуально-избирательным отношениям. Институциональный характер позволял другу-побратиму занимать определенное место в социальной структуре местного сообщества. Однако позже Аристотель⁶ и Платон⁷ задавались вопросом, что делает одного человека привлекательным для другого. Иными словами, уже в Античности проявилась тенденция осмысления индивидуально-избирательного характера дружбы.

В раннем Средневековье восхваляются и поэтизируются героическая рыцарская дружба, воинское братство и побратимство⁸. В середине XVIII в. К. Гельвеций писал, что «во времена рыцарства, когда выбирали себе товарища по оружию, когда два рыцаря делили славу и опасность, когда трусость одного могла стоить жизни и потери чести другому»⁹, дружба, несомненно, была более избирательной и прочной. Напротив, при «настоящей форме правления» (французский абсолютизм) «частные лица не связаны никаким общим интересом... И нет больше дружбы; со словом “друг” уже не связывают тех представлений, которые связывали раньше...»¹⁰. Важнейшей предпосылкой средневековой дружбы стало внутрисословное равенство, иерархическая взаимозависимость. Таким образом, средневековая рыцарская дружба продолжала быть социальным институтом, менее жестким, чем ритуальное побратимство, но более избирательным, иерархизованным и эмоциональным

В начале Нового времени дружеские чувства противопоставляются отношениям, основанным на сословной принадлежности. Для гуманистов эпохи Возрождения дружба – это самое естественное и высокое человеческое чувство. Гуманистический дискурс дружбы выдвигает на первый план интеллектуальное общение, что означало разрыв с феодально-рыцарской традицией. Важнейшей предпосылкой дружбы стало не сословное равенство, иерархическая взаимозависимость, а общность духовных интересов, которой можно гордиться. Вместе с тем в XVI в. М. Монтень писал, что для возникновения настоящей дружбы «требуется совпадение стольких обстоятельств, что и то много, если судьба ниспосылает ее один раз в три столетия»¹¹. В XVII в. на расчетливость и своекорыстие дружбы «жаловался» Ф. Бэкон¹².

Быт постепенно индивидуализируется, люди отгораживаются друг от друга, потребность в коммуникации и самовыражении, напротив, усиливается. Одним из проявлений этого было рождение новой концепции дружбы – романтической, освобожденной от влияния религии и построенной на индивидуализации человеческих отношений. Романтики конца XVIII – начала XIX в. создали культ нежной лирической дружбы, главной ценностью которой является интимность межличностных отношений и самораскрытие собственного «Я». М. Монтень, например, ставил дружбу даже выше супружеской любви¹³. Если отвлечься от индивидуальных нюансов, романтический институт дружбы означал резкое повышение требований к её интимности и экспрессивности и ассоциацию «истинной дружбы» с юностью. Оба эти момента тесно связаны друг с другом.

Новый тип дружеского общения возникает в студенческой среде, прежде всего, как антитеза семейной скованности и формализму университетской системы. В Германии начало этого процесса относится к 70-м гг. XVIII в. В это время в немецких университетах создаются тесные дружеские кружки молодых людей, объединяемых общими интересами и личной привязанностью. Вместе с изменением состава и структуры дружеских кружков менялась и их эмоциональная тональность. Первые такие кружки культивировали настроения коллективного веселья. Более поздние кружки имеют уже иную настроенность: веселая групповая дружба уступает место интимному союзу избранных сердец¹⁴.

Эволюция дружбы русской молодежи начала XIX в. проходила аналогично. Молодой В. А. Жуковский в дневниках и переписке определяет дружбу как главную жизненную добродетель, пишет о своем желании «сделаться достойным дружбы». Для него дружба «есть все, только не в одном человеке, а в двух (много в трех или четырех, но чем больше, тем лучше)». Высшей похвалой себе он считает, если о нем скажут, что «он истинный друг»¹⁵. У поколения А. С. Пушкина стиль дружбы уже иной. В произведениях лицейского периода (например в стихотворении «Друзьям») дружба описывается преимущественно в тонах бесшабашного группового веселья¹⁶. Однако в более поздних работах зрелого Пушкина «блаженство дружбы» это – «приют любви и вольных муз», а друзья – уже не просто веселые, интересные собеседники, а прежде всего единомышленники¹⁷. Но личная преданность и верность романтической дружбе сочетаются у этого поколения с внутренней закрытостью, сохранением определенной социальной дистанции.

Позже концепция романтической дружбы сменилась концепцией сподвижнической дружбы. Не случайно особенно тесная дружба и взаимная привязанность складывались в среде участников народнического, революционного

движения, которое невозможно без доверия и сплоченности. Ярчайший пример тому – дружба Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Герцена и Огарева и пр. Как ни важны для поддержания дружбы взаимная симпатия и душевная близость, они всегда предполагают общность интересов и реальной личностно и социально значимой деятельности.

В XX в. заговорили об оскудении дружбы под влиянием урбанизации, ускорения темпов социального обновления и возникновения массового общества и рыночных отношений. Как писал Антуан де Сент-Экзюпери, «узнать можно только те вещи, которые приручишь... У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей»¹⁸. Этому способствует деперсонализация человеческих отношений под влиянием рыночной экономики, анонимность жизни в городах, рост социальной мобильности, не позволяющей людям узнавать друг друга и поддерживать стабильные отношения, кризис идентичности, развитие средств массовой коммуникации, мобильных телефонов, Интернета. Однако это не означает отсутствия дружбы как социального феномена. Скорее речь идет о его трансформации.

Современные толковые словари определяют дружбу (friendship) как близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов и т. д.¹⁹ Этимологический анализ понятий «друг» и «дружба» в разных языках показывает их тесную связь со словами, обозначающими родство, товарищество (особенно воинское) и любовь. Так, древнеславянское слово «дрожьба» обозначало: близость, товарищество, общество. Обращение «друзья и братья», сегодня имеющее метафорический смысл, некогда звучало буквально и предполагало институциональные характеристики. Связь понятий дружбы и родства сохраняется очень долго и у разных народов²⁰. За общностью этимологических корней, объединяющих понятия любви, близости, кровного родства, свободы и воинского союза, прослеживается первоначальная нерасчлененность общественных и личных отношений и сопутствующих им эмоций²¹.

Сегодня дружба выступает как одна из форм проявления социальных представлений в межличностных отношениях и неформальный социальный институт. Современные нравственные нормы и ценности дружбы таковы, что выделяют ее из всех других отношений. Например, известно, что каждый индивид имеет свое «личное пространство», вторжение в которое, например попытка прикосновения, воспринимается как агрессия, вызывая инстинктивный отпор. Однако для отдельных личностей делается исключение, непосредственный телесный контакт с ними воспринимается как ласка и проявление

близости²². Такими знаками интимности служат похлопывание по плечу, прикосновения, шлепки и т. п. Иными словами, дружеская интимность проявляется как добровольное, по взаимному согласию нарушение телесных границ и общепринятых норм этикета²³.

Как показал анализ, эволюция дружбы неразрывно связана с такими фундаментальными макросоциальными процессами, как дифференциация социальной структуры и индивидуализация (персонализация) человека²⁴. Подводя итог, еще раз подчеркнем, что по мере эволюции социума изменялся социальный институт дружбы, трансформируясь из ритуального побратимства, через рыцарскую дружбу, гуманистическую дружбу в романтическую, сподвижническое товарищество и, наконец, в современный институт межличностных отношений. Это происходило под влиянием тенденций усиления социальной дифференциации, увеличения роли добровольности и индивидуальной избирательности, роли эмпатии и эмоциональности, относительной неформальности, неопределенности социальной ответственности при снижении жесткости социального контроля.

Примечания

- ¹ См.: Гомер. Илиада. М., 1960 ; Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы) : сб. ст. / ред. М. С. Петрова. М., 2010. С. 107–121.
- ² См.: Артемова О. Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987 ; Берндт Р. М., Берндт К. А. Мир первых австралийцев. М., 1981 ; Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986 ; Роуз Ф. Аборигены Австралии. Традиционное общество. М., 1989.
- ³ См.: Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.
- ⁴ Цит. по: Кон И. С. Дружба : Этико-психологический очерк. 3-е изд. М., 1989. С. 8–10.

- ⁵ См.: Кон И. С. Дружба. 4-е изд., доп. СПб. : Питер, 2005. 330 с. URL: <http://www.pseudology.org/Kon/Druzha/index.htm> (дата обращения: 14.12.2013).
- ⁶ См.: Аристотель. Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 2. С. 127, 183.
- ⁷ См.: Платон. Соч. : в 3 т. М., 1970–1972. Т. 1. С. 217.
- ⁸ См.: Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства : пер. с итал. М., 1987.
- ⁹ Гельвеций. Соч. : в 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 397.
- ¹⁰ Там же. С. 398.
- ¹¹ Монтень М. Опыты : в 3 кн. М., 1954–1960. Кн. 1. С. 237. (Сер. Литературные памятники).
- ¹² См.: Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. М., 1971. Т. 1. С. 132–135.
- ¹³ См.: Монтень М. Указ. соч. С. 239–240.
- ¹⁴ Цит. по: Кон И. С. Дружба. С. 110–116.
- ¹⁵ Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. М. ; Л., 1959–1960. Т. 4. С. 453–454.
- ¹⁶ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М. ; Л., 1949. С. 216.
- ¹⁷ Там же. Т. 2. С. 365.
- ¹⁸ Сент-Экзюпери А. де. Сочинения. М., 1964. С. 178.
- ¹⁹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1972. С. 166 ; Философская энциклопедия : в 5 т. М., 1962. Т. 2. С. 76–77 ; Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М., 1975. С. 82 ; Общая психология / под ред. А. В. Петровского. М., 1970. С. 357.
- ²⁰ См.: Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 198 ; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. : в 3 т. М., 1958. Т. 1. С. 727.
- ²¹ См.: Кон И. С. Дружба. 4-е изд., доп. СПб. : Питер, 2005. 330 с. URL: <http://www.pseudology.org/Kon/Druzha/index.htm> (дата обращения: 14.12.2013).
- ²² См.: Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения. СПб., 2001.
- ²³ См.: Пришвин М. М. Незабудки. М., 1969. С. 167–169
- ²⁴ См.: История социологии в Западной Европе и США. 2-е изд. / под ред. Г. В. Осипова. М., 2002.

УДК 316. 344. 24

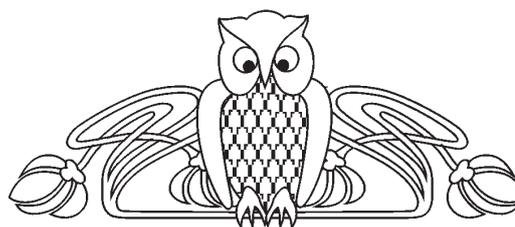
ХАРАКТЕР ТРУДОУСТРОЙСТВА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ КАЗАХСТАНА: ГЕНДЕРНЫЙ СРЕЗ

А. Б. Монтаев

Саратовский государственный университет
E-mail: elim_menim@mail.ru

В статье рассматривается характер трудоустройства по специальности вузовских выпускников Казахстана в рамках гендерного среза. Гендер определен как фактор, влияющий на отношение к своей специальности, самооценке уровня компетентности, значимости работы, профессиональным ожиданиям.

Ключевые слова: гендер, трудоустройство, компетентность, выпускник.

Character of Employment of Graduates by Specialty in Kazakhstan: the Gender Section

A. B. Montayev

This article discusses the nature of the employment of university graduates majoring in Kazakhstan in gender slice. Gender is defined as a factor influencing attitudes towards their profession, self-assessment of their competence level, the importance of work, professional expectations.

Key words: gender, employment, competence, graduate.